

№ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА. 2.

~~71-290~~
~~312~~

Н. И. КОСТОМАРОВ

801-18

462

М. $\frac{9}{382}$

„УКРАИНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ“

(Неизвестные запрещенные страницы).

Введение, редакция и примечания
:: профессора Ю. Г. ОКСМАНА. ::

Всеукраинское Государственное Издательство
Одесса—1921.

„УКРАИНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ“.

(Неизвестные страницы Н. И. Костомарова).

В десятой главе известной своей автобиографии Н. И. Костомаров подробно повествует о том, как в самый разгар польского повстанья поднялась в руководимых Катковым „Московских Ведомостях“ буря против украинского национального движения, коснувшаяся его тем более, что в этой газете самое имя Костомарова, „было выставлено на позор, как одного из преступных составителей замыслов, по мнению противников, грозивших опасностью государственному порядку.“ Пошли в ход слова: сепаратизм и украинофильство. Инсинуации давались преимущественно из Киева. „Я видел ясно, говорит Костомаров,—что господа, толковавшие о сепаратизме и пытавшиеся совместить украинофильство с польским мятежем, сами того не знали, что повторяли выходки поляков, которым литературное украинское движение давно уже стояло костью в горле, так как оно более всего служило опровержением польским теориям о том, что Южная Русь—законная принадлежность Польши, а южнорусский язык есть не более, как наречие польского языка. Мысль эта была выражена особенно рельефно во французском сочинении Владислава Мицкевича, сына знаменитого польского поэта Адама, и разгуливала в русских газетах в тех же выражениях, в каких изложил ее первоначально польский патриот, с тою только разницею, что в наших газетах применялось к России то, что поляки применяли к Польше. На обвинения Московских Ведомостей я написал большое опровержение, но цензура его не пропустила....“¹⁾

¹⁾ „Литературное наследие“ Н. И. Костомарова, СПб. 1890, стр. 154—155.

2014088173

Это посмертное свидетельство о запретном полемическом трактате одного из провозвестников украинского возрождения определило наше обращение к недоступным до последнего времени материалам высших петербургских цензурных установлений, где после продолжительных розысков удалось обнаружить среди бумаг Совета Министерства Внутренних дел по делам книгопечатания корректурный оттиск запрещенной 6 февраля 1864 г. статьи Н. И. Костомарова „Украинский Сепаратизм“¹⁾.

Статья эта, как видно из цензурской пометы, предназначалась для известного органа петербургского либерализма „Голос“, вдумчивое отношение и интерес которого к так называемому украинскому вопросу, не встречая ни сочувствия ни поддержки в прочей прессе, особенно резко противоречило новому курсу правительственной политики в юго-западном крае²⁾.

Призраки и тревоги польского повстанья невольно окрашивали в определенные тона проблему культурного самоопределения окраин, и Высочайше одобренное 20 января 1863 г. распоряжение Министерства Внутренних Дел о приостановке печатания книг „религиозных, популярно-научных и учебных на малорусском языке“ не даром мотивировалось Валуевым в конфиденциальном письме к А. В. Головину тем, что „замыслы малоруссов не только совпадают с намерениями поляков, но и чуть ли не вызваны польской интригой“.

С одной стороны, это официозное отождествление непреложных по существу путей и тенденции украинского движения с фантастическими чаяниями апологетов и реставраторов „исторической Польши“, с другой—грозные предостережения российских и закордонных охранительно-клерикальных кругов о разрушительном действии произведений „южно-русского слова“ (о „коммунистических идеях“ публицистов „Основы“,

¹⁾ Архив цензуры и печати (1 Петроград. отд. IV секции Гос. Арх. фонда): „Дело по поводу статьи г. Костомарова, под заглавием Украинский сепаратизм. Нач. 20 января, реш. 6 фев. 1864 года“.

²⁾ Ср. Д. Л. Мордовцев, — „Н. И. Костомаров по моим личным воспоминаниям“ („Новь“, 1888 г., № 17, стр. 34—36).

о „страшной батарее против господ в Кобзаре, и Гайдамаках, Хате, Народних Оповіданнях“, — все это чрезвычайно осложняло, а подчас и вовсе делало невозможной защиту украинских интересов в подцензурной печати бурных дней второго повстанья.

Преодолеть здесь толщу губительных предубеждений и чреватого самыми трагическими последствиями взаимного непонимания и была призвана мастерская диалектика Н. И. Костомарова. Однако, опыт его газетной декларации по украинскому вопросу, несмотря на совершенно исключительную сдержанность и лояльность выставленных как программа *minimum* заявок и формулировок, обильно и ловко уснащенных к тому же обычными полемическими блестящими его полонофобских статей¹⁾, не получил возможности ни опубликования, ни распространения, ни оценки.

В статье Костомарова „Украинский Сепаратизм“, — отмечал в своем представлении в Совет Министерства Внутренних Дел по делам книгопечатания единственный референт и *ex officio* критик этой работы проф. А. В. Никитенко²⁾, — заключается защита его и его некоторых земляков литераторов против упрека в сепаратизме по поводу усилий их заменить в малороссийских школах преподавание наук на русском языке преподаванием на туземном наречии. Защищаться против обвинений, особенно в таком серьезном предмете, как отчуждение от господствующего и единоплеменного народа, никому невозбранно — и Костомаров, как один из главных двигателей литературного малороссионизма, имеет полное на то право. К сожалению, в защите его встречаются некоторые щекотливые стороны, с которыми следует обращаться весьма

¹⁾ Ср. резкие тирады „Украинского сепаратизма“ с соответственными местами двух полемических фельетонов Костомарова — „Ответ г. малороссу-волынецу“ в „Дне“, 1864 г., № 6, стр. 19 и в „Голосе“, 2 мая 1864, № 120.

²⁾ „О статье, предназначенной для газеты Голос: Украинский сепаратизм. 20 янв. 1864. Доложено 23 янв“. Выписка из журнала Совета о запрещении статьи помечена 6 февраля 1864 г., № 30.

осторожно. Главная мысль его аполгии заключается в следующем: „Польские революционеры, мечтающие о присоединении Украины к Польше, возбудили во всех малороссиянах глубокое негодование. Вследствие этого, чтобы доказать фактически, в какой степени Малороссия чужда Польше, надлежит дать им возможность проявить свою народность во всем своем отличии, к чему, без сомнения, более всего может служить распространение образования на народном языке.“ Вот почему малороссийские литераторы желают, чтобы в малороссийских школах ученье преподавалось на тамошнем наречии, и в этом, по мнению г. Костомарова, нет никакого сепаратизма. При этом он полагает, что польским революционерам именно того и хотелось, чтобы русские, напуганные призраком сепаратизма, решились препятствовать малороссийским литераторам в осуществлении их мысли, так как это должно непременно возбудить вражду между двумя племенами, и в таком случае можно даже рассчитывать на сближение Украины с Польшей“.

Мне кажется эта диалектика неимеющею никакого основания. Ни малейшей нет надобности прибегать к каким-либо искусственным средствам заявлять малороссийскую народность в противоположность Польше, или усиливать в народе негодование против поляков. Все это так ясно и так сильно само по себе, что тут не для чего ни ухитряться, ни усиливаться — и малороссийские литераторы вовсе не поэтому пустились на проповедывание необходимости малороссийского наречия в школах: их просто увлекли современная мода народностей и желание популярности, из сего однако вовсе не следует, чтобы русский народ и правительство признали это безвредным и допустили идею их осуществиться (Я не хочу приписывать им каких-нибудь отдаленных замыслов, пагубных единству империи). О желании и надежде польских революционеров поспорить нас с малороссиянами в том случае, если правительство наше не согласится на введение малороссийского наречия в школе, заботиться также нечего; это желание и эта надежда, как совершенно нелепые, не исполнятся тем более, что народ украинский вовсе не думает об ученье на своем мужицком (как они сами его называют) наречии и знает, что

для него гораздо выгоднее учиться и грамоте и всему прочему на русском языке, а что это не нравится немецким литераторам, то это вовсе не такая причина, которую следовало бы уважить. Все показанные мною натяжки в статье г. Костомарова производят весьма неприятное впечатление. Цензуре, конечно, до этого нет дела, но дело в том, что защищаясь против упрека в сепаратизме (в чем, может быть, он и не виноват), он все таки никак не может или не хочет отстраниться от мысли о некотором обособлении Малороссии и о введении обучения в школах на малороссийском наречии. Говоря о населении южного края России, он называет его „все таки особым славянским племенем, сохраняющим вместе с верованиями, понятиями, воспоминаниями и проч., и свои стремления“. Не думаю, чтобы, особенно в настоящее время, полезно было распространить подобные мысли. Слово стремления легко может быть истолковано в смысле самого крайнего сепаратизма, может быть даже вопреки воле автора. О таких важных предметах надобно или вовсе не говорить или говорить так, чтобы не выходило никакой неясности в смысле и чтобы нельзя было сказать одной партии: „ведь мы с вами“, и другой: „мы разумели не это, а вот что“. Желательно было бы, чтобы украинские тенденции были очищены от всякого политического значения. К сожалению, сами малороссийские литераторы подали повод к противоположному. Во первых, они выступили со своим вопросом в самое неблагоприятное, тревожное время, когда в русском сердце невольно закрадывается подозрительная мысль при всяком прикосновении к национальному единству; во вторых, говоря о языке, они говорили много пустого и лишнего, из того весьма естественно могли возникнуть подозрения о чем-то скрытном, не хорошем. Дело очень просто: нужно ли и полезно ли, чтобы в малороссийских школах преподавалось ученье на туземном наречии, а не на общем русском языке. Малороссийские писатели решительно не могли доказать этого. Ведь тут можно опереться только на одно, именно, что малороссияне не понимают того, что им излагается по русски, и что поэтому народ изъявляет свое желание, чтобы и в науке и в официальных случаях с ними говорили не иначе, как по малороссийски, но утвер-

ждать это было бы вопиюще неправдою—значит введение малороссийского наречия в школе не нужно, а след. и бесполезно. Но что тут может скрываться вред, нет никакого сомнения. Правительство, сообразив это обстоятельство, решило, что в науке и образовании, равно как и в официальных случаях, вовсе не для чего отступать от единства общего русского языка в уважение местных или областных говоров—общественное мнение совершенно согласно с этим решением, тем дело и должно кончиться.

Докажи малороссийские литераторы ясными и убедительными доводами противное этому, нет сомнения, что их мнение было бы уважено, а главное не было бы повода обвинять их в сепаратизме.

По всем вышеизложенным обстоятельствам я нахожу статью г. Костомарова в настоящее время неудобною к печатанию. Защита вещь законная и справедливая; против этого цензура ничего не может сказать. Но в этой защите не должно касаться ни обособления украинского народа, ни выведения русского языка из круга народного образования в Украине. Член совета А. Никитенко¹⁾.

Этот характернейший официально-казуистический разбор содержания и построения статьи Костомарова предопределял, разумеется, приговор высшей имперской цензурной инстанции. Однако, в запрещаемых страницах „Украинского Сепаратизма“ министерство внутренних дел решительно проглядело новую платформу прежнего идеолога национально-политического радикализма, его откровенный отказ под влиянием польских событий от общих федералистических принципов и исключительную поэтому защиту лишь культурно-просветительной работы на родной ниве. Поскольку реальная возможность последней центральным правительством в эти годы грубо парализовалась, очередным заданием политической

¹⁾ Характерно, что в дневнике своем А. В. Никитенко—земляк и товарищ Костомарова по Петербургскому университету—предпочел обойти молчанием этот эпизод и, отметив 20 января „приготовление докладов к Совету в министерстве“, содержания последних предусмотрительно не коснулся. (А. В. Никитенко „Записки и Дневник“, изд. 2, СПб., 1905 г., т. II, стр. 167).

публицистики Костомарова становится доказательство *благонадежности* самого существа и форм культурного „укаинофильства“¹⁾.

Несколько обостряя основную проблему, его запрещенный полемический трактат, в силу чисто тактических соображений, посвящен польской ориентации на Украину и в некоторых местах потому заведомо тенденциозен. Тем не менее, неожиданно для автора погребенный на десятки лет в цензурном делопроизводстве, этот живой отклик на политическую злобу дня получает ныне особый интерес и историческое значение документа, необычайно ярко запечатлевшего один из самых трагических эпизодов борьбы за украинское слово — залог и символ грядущего национального возрождения.

Ю. О.

¹⁾ Ср. позднейшее определение его Н. И. Костомаровым в известной записке „Укаинофильство“ („Рус. Стар.“, 1881, II, 319—331).

УКРАИНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ.

Когда о существовании этнографии, как науки, еще не знали, история скользила только по дворцам да по армиям, нацией признавались одни привилегированные классы, и никто не считал важным знать, как говорит, чувствует, думает, живет народная масса, тогда извинительно было вообразить, что вся Россия везде одинакова во всем.

Но с расширением исторических и этнографических знаний, новыми более широкими потребностями науки о человеческом обществе стало известно и показалось важно, что юг российской империи населен (также, как и значительная часть австрийской Галиции) особым славянским племенем, говорящим своеобразным наречием, сохраняющим своеобразные формы жизни, понятия, верования, стремления и исторические воспоминания. Естественно было покороче с ним познакомиться. И вот стали появляться сборники его песен и преданий, потом стали писать его речь; сначала для смутки с высоты барского погляда на мужичье, а далее—с этнографической целью изобразить народные нравы, в последнее же время, после освобождения крестьян, с целью передать народу первые плоды образованности в ближайшей и удобнейшей форме, особенно же перевод св. писания нового завета, как основы его воспитания. Эти попытки сначала возбуждали только сочувствие, но вдруг потерпели ни за что ни про что нападения, обвинения и гонения сначала в Киеве от издателей и сотрудников тамошних периодических изданий: „Вестника „Юго-Западной России“ и „Киевского Телеграфа“, потом в „Московских Ведомостях“ и „Русском Вестнике“. Поднялся крик о сепаратизме, стали подозревать нас в тайных намерениях приготовить отложение Малороссии от России. И вот перед воображением русского общества стоит донкихотовская ветрянка, кажущаяся пугалом в виде украинского сепаратизма.

Пишущий эти строки в статье своей, читанной в апреле прошлого года на литературно-музыкальном вечере в пользу издания книг на южно-русском языке выразился, что эта кличка заимствована из Америки и винится теперь в своей

ошибке. Нет, она зашла к нам от поляков и все это враждебное противодействие нашему народному образованию исходит от наших прежних, старинных приятелей, которых ни Хмельницкие, ни Гонты, ни Железняки до сих пор не могли убедить избавить южно-русский народ от кошачьих объятий и ласок.

Затевая восстановление своего государства, поляки находят, что Польши конгрессовки для них мало, надобно восстановить Речь Посполитую с южною Русью, иначе это будет невыгодно для них. Уже много раз по этому поводу говорено было им напрямик: да нам то что за дело? Мы не хотим быть с вами; не верим вам, не любим, наконец, вас, убирайтесь к чорту. Этого для них недовольно. Когда нельзя волею склонить нас, то нельзя ли обманом, думают они, и стали писать бесчисленное множество статей и брошюр, где, искажая историческую истину, доказывают, будто мы, южно-руссы, с ними один народ и льнем к ним всею душою. Вдруг в обличение им является южно русская письменность. Вопреки их уверениям о единстве нашем с ними она заявляет о существовании у нас совершенно отдельного славянского наречия, вполне отличного от польского, о нашем желании сохранить для народа это отеческое сокровище и совершенном нежелании усваивать польский язык, сверх того они показали им, что мы не можем, вследствие прежних исторических обстоятельств, смотреть на них иначе, как на врагов нашей веры и народности. Они уразумели, что мы им более всех мешаем приводить мысль о законности восстановления Речи Посполитой в границах 1772 года.

В числе многих заявлений польских претензий на единство южной Руси с Польшей не можем не указать как на резко выдающуюся брошюру, напечатанную в Париже в 1861 году по польски под названием Rada familijna (семейный совет), где нам дают название сепаратистов, то самое, каким ни за что ни про что стали клеймить нас наши соотечественники. Автор без церемонии считает нас поляками и соотчицами своими, говорит, что мы отлагаемся на основании своих частных целей от общего рода и общего отечества (стр.61). Автор уверяет, будто мы и поляки были прежде одно и то

же, поразрознили нас варяги, мы страдали под их властью, приняли неправильное крещение (chriest pergawu), а потом соединились снова с поляками и пребывали в блаженном согласии до разбора Польши. Он советует нам бросить свой язык, оставить схизму, сделаться поляками и возвратиться к лону Римско-католической церкви. В заключение он обращает к нам такую речь: „Мы можем сказать нынешней партии сепаратистов следующее. Не тратьте сил своих на бесполезное дело, не ведите будущность Вашего народа назад, соединяйтесь с теми, с которыми зовет вас к соединению и общность права и общность прошедшего и превосходство цивилизации. Это ваше призвание, если вы действительно любите свой край“ (стр. 72). Явнее и резче высказывается досада поляков на деятелей южно-русского слова в книге, изданной в 1863 г. на французском языке под названием „La Pologne et ses provinces meridionales, manuscrit d'un ukrainien, publié avec preface par Lodislas Mickewicz“. Там перечисляются на выдержку разные южно-русские сочинения, обвиняются в разрушительном коммунизме и ложном социализме и представляются опасными для польского дела.

Собрание различных произведений поэзий, как „Кобзарь“, „Гайдамаки“, „Хата“, „Народни Оповідання“, азбуки, грамматики, составляют страшную батарею против господ, или лучше сказать, против всех богачей. Орган, сосредоточивший в себе идеи разрушительного коммунизма и ложного социализма, есть „Основа“, издаваемая в Петербурге. Этот журнал более вреден полякам, чем „День“, по причине особенной ловкости и осмотрительности издателей (стр. 25).

Вся эта книга в 167 страниц наполнена самыми наглыми искажениями исторической истины. Автор, настоящий польский пан, обращается к нам с сознанием своего права над нами; от лица всех своих соотчичей он объясняет, до какой степени и что именно могут поляки нам позволить и чего не могут. Если бы они не замечали в нас диких претензий создать особую национальность, тогда бы они протянули нам братскую руку (стр. 62), но таким образом, как мы себя ведем, они не могут допустить раздробление польской национальности.

Написавши свою книгу, как показывает ее конец, с целью привлечь нас к соединению с Польшею, автор с неподражаемым тупоумием отзывается презрительно и ругательски о том, что всего святее для южно-русса—о православной вере*).

Уверяют, будто мы добровольно приняли унию, а русское правительство насильно обратило и теперь еще продолжает обращать нас в схизму, и в конце концов хлещь, чтобы мы перестали быть русскими и православными, а сделались бы поляками и католиками, что это желание всего народа. Мы не берем на себя скучной обязанности опровергать эту дичь, повторяемую почти всеми поляками от мала до велика. Пришлось бы начинать с азбуки и толковать то, что давно уже известно каждому гимназисту. Можем только изумляться крайнему ослеплению и тупоумию польского патриотизма.

Поляки хотят склонить на свою сторону южно-руссов и начинают с оскорбления их религии, той религии, под знаменем которой южно-руссы бились с поляками и воспитали в себе ненависть к полякам. Идите к нам, говорят нам поляки, с нами вам отлично будет, мы уничтожим вашу веру и вашу народность. Самоуверенность поляков в этом отношении превосходит всякое вероятие. Владислав Мицкевич (предисл. XV) говорит: крестьянин говорит своим шамуа, он не знает такой истории, какова она в книгах (какой подлый расчет на невежество народа), но одно появление польского инсургента сообщит ему электрическую искру, которая воспламенит ему душу, и он снова бросится на русские полки.

На подобные надежды уже дал полякам ответ народ южно-русский; польские инсургенты явились перед глазами украинского крестьянина, и он точно бросился на русские полки, но для того, чтобы передавать им связанных инсургентов.

*) Например: Le schisme greco-russe est de toutes les comunions chrétiennes la plus éloignée pu séritable esprit de l'Evan-gele.

Поляки никогда не в силах достигнуть желаемой цели — возмутить народ южно-русский и склонить его на свою сторону, но они успели до некоторой степени вылить свою злость и наделать пакости деятелям южно-русского слова и тайными путями обольстить многих из наших соотечественников, мимо собственной воли, поверившим в возможность тайных замыслов и намерений отложения Малороссии от России. Для народа, который думает приобрести независимость посредством организованной системы тайных убийств, уж, разумеется, нипочем клеветать на украинских писателей, голословно обвинять их в разрушительном коммунизме и ложном социализме с целью набросить на них подозрение правительства.

Пересчитывали несколько украинских книг и нарекали особенное проклятие над ненавистною для них „Основою“. Автор той же книги (стр. 26) изумляется, как это московская цензура, обыкновенно строгая, допускает к печатанию самые неумеренные статьи, как скоро дело идет о прошедшем Польши и некоторых ее провинций.

Он находит, что другие журналы подчиняются строгому контролю (а „Основе“ позволяют так бесчинствовать), и выводит из того, что русское правительство одобряет всякие пути, лишь бы они вели к цели. Оно не боится либеральной южно-русской партии, ибо она противна Польше, хотя у ней есть виды несогласные с существующим правительством (стр. 26).

Подобные нарекания распустили поляки умышленно в юго-западном крае и поддели на удочку недалновидных публицистов Киева — Говорских, Эремичей, Гогоцких, Юнгов и *satti quanti*.

Воображая себя борцами русской народности против поляков, они сами не чулись, как запели внушенную поляками песню об украинском сепаратизме под польскую дудку. За ними вслед затянули „Московские Ведомости“ и „Русский Вестник“, и многие из наших соотчичей, как и великоруссов, так и южно-руссов теперь верят в действительное существование страшилища, которое они называют Украинским сепаратизмом.

Поляки расчитывают так: деятели южно-русского слова и вообще приверженцы южно-русской народности, встретив препятствие своим задушевным намерениям распространить в южно-русском народе образование на местном наречии, придут в негодование, и тогда можно будет их склонить на нашу сторону. И вот, едва прошло пол года от громовых статей Каткова и компании, как во Львове появляется газета с криками против насилия со стороны москалей, и русины подают руку примирения полякам вследствие известий, посылаемых из Украины. Конечно, эти вести из Украины писаны какими-нибудь горячими молодыми людьми, которые раздражились напраслиною, на них взводимую, и скоро сами одушаются, но тем не менее не прискорбно ли, что в такие важные исторические минуты, когда всему русскому миру следует быть как один человек и дружно стоять против всяких вражеских ухищрений, принявшие на себя роль публицистов дались в обман врагам, вооружились на привидение, нарочно подставленное последними, чтобы произвести между нами смуту и разделение, и вводят в грех пылкие и неопытные головы, которые иначе могли бы по силам своим посвятить себя общему делу русской земли.

Нам удивительно, как это так легкомысленно могли увлечься русские люди страхом сепаратизма, какое соотношение можно было найти между намерением распространить элементарное образование в южно-русском народе на южно-русском языке и между тайными замыслами отложения Малороссии. Разве им неизвестно того, что отношение между Малороссиею и южно-русским народом такое же, какое между одною частью и целым, к которому принадлежит эта часть. Малороссиею называется только Полтавская и Черниговская губернии, а южно-русский народ кроме западного берега Днепра, Новороссии и Черноморья, рассеян на пространстве губерний Харьковской, Курской, Воронежской, Земли Войска Донского, Саратовской, Астраханской, Самарской, Оренбургской, или думают, что мы желаем все эти земли отделить из Великой России. Но ведь там великоруссов столько же, а в иных местах гораздо больше, чем южно-руссов; а между тем книги пишутся для всех южно-руссов, а не для какихнибудь

Полтавцев и Черниговцев. Племя южно-русское более и более сближается с великорусским, и мы много раз заявляли, что вовсе не хотим каких нибудь мер отчуждения, напротив, желали бы проведения железных дорог на Южной Руси, а железные дороги, без сомнения, способствовали бы приливу великорусского населения в южно-русские края. Сепаратизм между нами невозможен по самой географии. Южнорусы не имеют строго округленной территории. Их отечество и в Петербурге, и в Москве, и в Новгороде, как в Киеве, Чернигове, Полтаве. Поэтому и на язык южно-русский мы не смотрим, как на исключительно принадлежащий известному только краю, а как на способ выражения, общий всему южно-русскому племени во всех концах нашего обширного отечества.

По нашему глубокому убеждению, чтобы одним разом положить предел вражеским козням поляков, обольстивших многих из наших соотечественников пугалом украинского сепаратизма, следует как можно скорее напечатать перевод евангелия на южно-русский язык вместе с славянским текстом и великорусским переводом ¹⁾). Кроме громадной пользы нравственной и умственной для южно-русского народа, этим же докажем, что враги не в силах нас обманывать и поселять между нами раздоры и разделения.

Н. Костомаров.

---

¹⁾ Пожелание это становится в 60-х годах одним из тактических лозунгов укринской общественности. Ю. О.